

ФИННОВА
Валерия Ильинична

Финнова В. И. Окончила факультет журналистики УрГУ (1965), факультет театроведения ГИТИСа (1980). Член Союза журналистов России. Лауреат конкурсов областных (Свердловской, Сахалинской) организаций Союза журналистов разных лет. Отличник народного просвещения.

ДАЕШЬ ОСНОВЫ НАУЧНОГО КОНФОРМИЗМА?

Отчет с заседания «круглого стола» «Интеллигенция и конформизм»

Заметки дилетанта. Ну конечно! А чего еще можно ожидать от простого смертного, наслушавшегося ученых споров? За символическим круглым столом высказывались профессора, доценты, в крайнем случае — аспиранты, а прочая публика из любопытствующих только и делала, что ловила кайф, когда столкновение научных позиций если и не высекало искру истины, то сильно оживляло драматургию всего действия. В рамках Всероссийской научной конференции «Интеллигенция России в конце XX века», проходившей в Уральском университете, обсуждался вопрос о конформизме интеллигенции.

Если кто-то ожидал, что участники дискуссии начнут публично «раздеваться», бить себя в грудь, плакать горячими слезами и каяться, предаваться интеллектуальному мазохизму, то он жестоко ошибся. Не было ни слез, ни покаяния.

Правда, выступивший с докладом «Феномен и природа конформизма российской интеллигенции» профессор С. А.

Красильников из Новосибирска честно признался: «Я считаю себя конформистом. Я не был нонконформистом и диссидентом». И, не объясняя, достоинство это или недостаток, призвал учредить новую дисциплину — научный конформизм вместо научного коммунизма. Предложение оценили, но прежде, чем учреждать, решили, как минимум, разобраться в существе явления.

А признание профессора Красильникова неожиданно уравнило всех, сидящих в зале, независимо от наличия ученых степеней и прочих знаков отличия. Ибо — кто из нас не был грешен? Так какой же я, простите, дилетант, если по определению первого же выступавшего, членство в партии коммунистов — типичное проявление конформизма? Значит, самый, что ни на есть, профессионал-практик. И если меня не мучают по ночам кошмары, то, надо полагать, только потому, что не дано еще научной оценки этого малопочетного явления с точки зрения сегодняшнего дня.

...Почему-то я смутно помню события, последовавшие за августом 1968 года. Нас, журналистов областной комсомольской газеты «Молодая гвардия», без конца куда-то вызывали, беседовали, критиковали. За закрытыми дверями шли какие-то таинственные разговоры, и единственное, что было абсолютно явным, это ощущение надвигающейся беды.

Говорили, что в наших материалах обнаружена крамола. Появился их список - в том числе три моих. На собрании какого-то актива первый секретарь обкома партии критиковал нашу газету и цитировал мою строчку о «кочах и белых парусниках», которые открывали Сахалин, утверждал, что никаких кочей не было и в помине, и все допытывался, кого я имею в виду, уж не японцев ли? Я хотела сказать, что стоит зайти в областной краеведческий музей напротив обкома, чтобы увидеть эти кочи (слово, которое особенно не нравилось «первому»), но потеряла дар речи.

Потом было собрание, на котором меня уговаривали признать свои ошибки, следом — бюро обкома комсомола... Потом сняли редактора Борю Сумашедова, куда-то уехал ответсек Владик Маринов, а меня как мелкую сошку, попросили написать заявление «по собственному желанию». Желания не было, но из гордости я все написала и осталась без работы.

В голове был полный туман, такой же плотный, как тот, что наплывает на Сахалин с Охотского моря... Я не понимала, почему не понимали нас. И как такое возможно в самой справедливой стране. Наконец, решив, что кто-то в чем-то просто не разобрался, я отправилась на прием к секретарю по идеологии обкома партии, который расправлялся судьбами журналистов, а расставаться с журналистикой мне не хотелось.

Он принял меня в огромном кабинете - маленький, с блестящей лысиной (никаких аналогий!) и почти с отеческим радушием. Я добросовестно сказала то, чему меня научили и даже за что-то, кажется, извинилась, черт с ним, только бы допустили к газете. Его ответ запомнила в точности: «Если мы вам и разрешим работать, — сказал секретарь, — то только в Северо-Курильске». Значит, кроме «районки» мне ничего не светило.

Так нас учили конформизму.

...А туман окончательно рассеялся спустя много лет, когда в рассекреченных документах ЦК КПСС я прочитала строки из тайного протокола, с которым Косыгин познакомил участников встречи пяти братских стран 25 августа 1968 года. «Чехословацкое партийное и государственное руководство, - говорилось в этом документе, - ...возьмет в свои руки руководство средствами массовой информации и будет управлять ими в интересах социализма... против антисоциалистической и антисоветской агитации и пропаганды, очистит средства массовой информации от скомпрометировавших себя лиц». Читалось-то это в Москве, а вот аукнулось — на Сахалине.

Профессор Красильников пролил бальзам на душу. Он считает, что механизм адаптации к общественному устройству — профессиональная этика — «фактически и есть конформизм — конформизм профессиональный». Мера лояльности по отношению к обществу. Сливаться с властью, с его точки зрения, интеллигенция не должна, но и конфронтация вредна. Из шести выведенных московским социологом Н. Е. Покровским парадигм поведения три определяют разные стороны конформизма: «Внутренняя эмиграция», «дистанционное партнерство» (стремление найти способ сосущество-

вания с режимом при сохранении внутренней независимости) и «Умеренное сотрудничество» (стремление найти области деятельности, наиболее нейтральные в идеологическом отношении).

Выдав для затравки несколько предложений: рассмотреть соотношение конформизма с консерватизмом и конфронтацией, обсудить виды его проявления и прочее, профессор хотел было покинуть трибуну, но сделать этого ему не дали. Забросали вопросами, так что он едва успевал отвечать и отбиваться от новых, тут же переходивших в импровизированные выступления с мест. Наконец, признание атакованного со всех сторон профессора в том, что, по большому счету, конформизм — это социальная ценность и вообще качество, чуть ли не изначально присущее интеллигенции, вызвало такую бурную реакцию, что он счел за благо взмолиться: «Отпустите, братцы!»

Было очевидно, что истина, как и в любом научном споре, не укладывается в прокрустово ложе однозначных оценок, категорический императив хорошо-плохо не срабатывает, и жаждающим определенности конформистам непросто поставить себе оценку за поведение. Мнения о том, какой может быть эта оценка, разошлись.

Профессор из Екатеринбурга О. Русакова относит себя «к категории массовидно-просветительской» интеллигенции. А «массовидный просветитель», считает профессор, может нести свое просветительство в массы только в рамках государственных институтов (в отличие от творцов, которым это ни к чему в силу известной самодостаточности). Таким образом, интеллигент идет во власть, чтобы сеять разумное, доброе, вечное. И кто не может приспособиться, того систе-

ма отторгает — это объективный закон развития. Социальное согласие — вот формула «массовидного интеллигента», иначе, считает О. Русакова, он не сможет выполнить свои функции.

Эта точка зрения близка доценту из Томска А. Дукарту: внутри интеллигенции существуют как сотрудничество с властью, так и оппозиция. Оппозиция — не всегда подвиг, а сотрудничество может быть продиктовано выполнением своей программы, а вовсе не приспособленчеством.

«...Я в оправдание конформизма тоже могла бы что-нибудь добавить, — сказала доцент Уральского университета Н. Эйгорн. — Напомню афоризм Демокрита: «Не делать никаких уступок в жизни — признак безрассудства». При желании конформизму можно приписать много мудрого. Но не надо путать адаптацию — объективную необходимость — и конформизм — один из видов конфронтации, не самый, однако, конструктивный. Да и конформизм — один из видов компромисса, тоже не самый оптимальный.»

Напомнив, что в переводе с латинского «конформизм» означает «подобный», «сходный», а следовательно, является «пассивным приятием», Н. Эйгорн упомянула о более достойном качестве интеллигенции — толерантности: «Я понимаю это качество как основанное на заповеди «не навреди». Это способность к пониманию, прощению и терпимости. Способность не усугублять конфликт, а мудро искать пути к его разрешению. Конформизм же эгоцентричен, его забота — только о себе».

Честно говоря, мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь развил или хотя бы поддержал эту мысль о толерантности, качестве, которое подводит нас к общечеловеческим духовным ценностям, но увы. Как-то не вдохновились.

Зато доцент из Новосибирска М. Петренко заявил, что конформизм и интеллигенция вообще несовместимы. Ибо интеллигент не может существовать вне творческого отношения к окружающему, а конформизм эту творческую сущность выхолащивает. Последовало возражение от М. Тайдай из Иркутска: многие сотрудничали с властью и без ущерба для творчества, хотя для некоторых это было трагедией. «Наступить на горло собственной песне, спиваться и уходить» — вот, по мнению В. Полева из Магнитогорска, чем приходилось платить советским интеллигентам. Вот какова цена конформизма.

Вопросы психологии творчества и нравственные аспекты рассматриваемого явления не получили развития в ходе дискуссии. Характеристика конформизма, попытки встроить его в систему этических понятий, выявить механизм появления и развития — вот основная тема выступлений, каждое из которых определяло позицию автора. Конформизм — это приспособленчество, которое ведет к краху самого себя, считает О. Вьюкова из Екатеринбургского педуниверситета. Образно говоря, интеллигент сидит на двух стульях — традиции и инновации. И все дело в соотношении того и другого. Склонились весы в пользу традиции — застой. В пользу инновации — разрушение... Чем, например, ответили школьные учителя на инновации в своей системе? Конформизмом. Они просто перестали ставить ученикам «двойки» (знаменитое «три ставим, два в уме»). По мнению О. Вьюковой, даже сам разговор о конформизме — деструктивен!

Любопытно, что каждый из выступавших, за редким исключением, давал собственное определение конформизму (их набралось не меньше

десять), порой в крайне полемической формулировке. В дополнение к уже упомянутым: «Конформизм: триумф или трагедия? Подвиг или предательство?» (И. Щербакова, Екатеринбург); «Конформизм — это состояние повседневности во взаимоотношениях с внешним миром» (С. Красильников, Новосибирск); «Конформизм — ценность или промежуточный социальный ориентир? Для некоторых — ценность, для других — социальный ориентир. Для современности конформизм оборачивается глубинной ценностью» (В. Балакин, Челябинск).

Типы конформизма, считает Г. Сизов из Омска, всегда зависели от того, что в данный момент требовалось власти, поэтому он всегда носил исторический характер. С другой стороны, этот характер зависит как от отряда интеллигенции, так и от того, является ли конформизм внешним, внутригрупповым или внутриличностным. Во всех случаях пределом является деградация личности.

В доказательство разрушительности конформизма профессор А. Еремеев из Екатеринбурга привел в пример первобытные народности, живущие в условиях тотального нашествия цивилизации, которая их буквально душил. И тем не менее, они сохраняются именно потому, что пошли не по социальным законам развития, не по пути конформизма, а обратились к собственным культурным традициям. Ибо конформизм лишает человека полноценности.

...В конце концов я окончательно запуталась — чем же было мое вступление в партию: консерватизмом, социальным согласием, компромиссом, конформизмом, адаптацией, приспособленчеством или чем-нибудь похуже? Чем были для любимого и ценимого мною поэта Осипа Мандельштама его хвалебные стихи о Сталине

1937 года после его же пронзительного «Мы живем, под собою не чуя страны» года 1933-го? Что-то в этих попытках классификации, терминологических изысканиях мне не давалось, ускользало нечто важное, необходимое для облегчения души. Никто не произнес слово «отступничество». Конформизм — отступничество от себя?

Впрочем, как уже было замечено, дискуссионная скоропись только слегка намечала контуры проблем, оставляя непроясненными многие аспекты. Вот и не хватило времени, скажем, рассмотреть конформизм как один из видов морального компромисса, что предлагала Н. Эйнгорн.

Недосказанным осталось не только это. Не нашлось ответов на многие, из прозвучавших в ходе обсуждения, вопросы. Конформизм с точки зрения житейской: оставить семью без куса

хлеба — это нравственно? Какова эволюция конформизма? Каким образом человек приходит на его позиции? Почему первыми в союз с властью вступили учителя? Может быть, потому, что это в основном женщины?.. Ведущий «круглого стола» профессор М. Главацкий в итоге, однако, остался доволен: столкнулись две научные культуры — историческая и философская, и это оказалось плодотворным. С моей же точки зрения, еще более плодотворным было бы приглашение для участия в дискуссии представителей художественной, творческой интеллигенции, которая, быть может, наиболее остро страдает от конформизма.

Будем надеяться, что все еще впереди. А то, что не прояснили, как сказал в заключение профессор М. Главацкий, остается для размышлений.

